

синтаксичних структур. Наприклад, у словосполученні пошуки археолога можна по-різному інтерпретувати синтаксичні зв'язки між його компонентами: *шукає щось археолог* (суб'єктний зв'язок) або *хтось шукає археолога* (об'єктний зв'язок). Отже, внутрішнім чинником омонімії на рівні словосполучення виступають, безперечно, граматичні форми, і в конкретно наведеному прикладі родовий відмінок суб'єкта й родовий відмінок об'єкта. Як засвідчують спостереження над мовним матеріалом, саме омонімія суб'єктного й об'єктного зв'язку є найбільш характерна й досить розповсюджена в українській мові, до речі, як й у інших мовах. Ще приклади такого вияву омонімічних синтаксичних відношень на рівні словосполучення. *Переклад Шевченка – виконаний Шевченком переклад чийхось творів* (суб'єктивний зв'язок) чи *виконаний кимось переклад творів Шевченка* (об'єктний зв'язок); *переслідування звіра – звір переслідує когось* (суб'єктний зв'язок) чи *хтось переслідує звіра* (об'єктний зв'язок); *відвідини родичів – родичі когось відвідують* (суб'єктний зв'язок) чи *хтось відвідує родичів* (об'єктний зв'язок) і под.

Слід відзначити, що синтаксична омонімія – це не просто вузька проблема багатозначності тексту, а надзвичайно важлива загальномовна проблема, яка пов'язана, скажімо, і зі стилістикою тексту, і риторикою, і з різними аспектами мовленнєвої комунікації.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Кононенко В.И. Системно-семантические связи в синтаксисе русского и украинского языков. – К.: Вища шк., 1976.
2. Лисиченко Л.А. Лексикологія сучасної української мови. – Х., 1977.
3. Мамрак А.В. Проблеми словотвірної омонімії. – Мовознавство. – 1992. - №3.
4. Муқан Г.М. Багатозначність і омонімія // Укр. мова і літ. в шк. – 1970. - №8.
5. Сучасна українська літературна мова. Лексика і фразеологія / За ред. І.К.Білодіда. – К.: Наук. думка, 1973.
6. Українська мова. Енциклопедія. – К.: Укр. енцикл., 2000.

О.Н. Прохорова, И.В. Чекулай (г. Белгород)

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПОНЯТИЯ «СУБЪЕКТ ОЦЕНКИ»

Понятие субъекта оценки не является дискуссионным в такой степени, как ее объекта, но, тем не менее, категория субъекта оценки характеризуется определенной неоднородностью. С одной стороны, проблема состоит в количественной представленности субъекта (или субъектов) оценки. Достаточно четкое определение А.А.Ивиным данного понятия как «лица (или группы лиц), приписывающего ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки» (Ивин 1970: 21), являясь философско-аксиологическим по своему содержанию, в свою очередь вызывает вопросы сугубо лингвистического плана. Во-первых, насколько важно (или, точнее сказать, насколько оправдано) разграничение отдельного лица и группы лиц как субъекта оценки? Ведь с предметно-объективной точки зрения речевое произведение может иметь только

одного автора, исходить только из одних уст или с кончика одного пера. С лингвистической точки зрения случай типа: - Не хотите записываться в колхоз? – спросил Давыдов. – Значит, верно товарищ Майданников говорил?

- Не жа-ла-ем! – гундосый бабий голос.

- Нам твой Майданников не указ!

- Отцы-деды жили ...

- Ты нас не силуй!

И когда уже замолкли выкрики, из задних рядов, из темноты, озаряемой вспышками сигарок, чей-то запоздалый, пронзенный злостью голос:

- Нас нечего дуриком загонять! Тебе Титок раз кровь пустил, и ишо можно ... (Шолохов ПЦ: 65-66) являются разными суждениями, где высказывается однородное с аксиологической точки зрения отрицательное оценочное отношение к участию в коллективизации, и с этих позиций аксиологический субъект отличен от субъекта языкового высказывания. Во-вторых, даже если пренебречь таким разграничением, то неизбежно возникает противоречивая интерпретация понятия пути выражения оценки. В данном случае слово «путь» является метафорическим эквивалентом слова «способ», а способы выражения однородной в общефилософском плане оценки в данном конкретном примере с лингвистической точки зрения существенно различаются. Так, в отличие от предыдущих возгласов последняя реплика является речевым актом угрозы.

В качестве примеров в английском языке, в которых наблюдается отстраненность субъекта оценки, его имперсонализация и импликация и контаминация формально его функций подлежащим предложения, являются так называемые построения со сложным подлежащим (Complex Subject), например:

- Pat was supposed to be coming with me tonight (Clarke: 98).

- A woman is supposed to want a child by the man she loves (Bellow: 85).

- ... bad things are almost certain to occur and they do (Irving: 456).

- Poverty is apt to strike suddenly like influenza (Greene 1: 62).

Иными словами, философское и лингвистическое представления о путях выражения субъекта оценки несколько разнятся в онтологическом плане. Можно, конечно, пренебречь и данными различиями и представить разрозненные возгласы как части единой оценочной синтагмы, взаимодополняющие друг друга, но тогда их следует типологически отождествить со взаимодополняющими оценочными высказываниями одного лица, такими, как следующее:

- Уйди, уйди, тебя я ненавижу, – продолжал Васисуалий, раскачиваясь, как старый еврей на молитве, - ты гнида жалкая и мерзкая притом. Не инженер ты – хам, мерзавец, сволочь, ползучий гад и сутенер притом! (ИП: 413), – что с лингвистической точки зрения также является неприемлемым.

Очевидно, выход из такого узла противоречий следует искать в предложенном С.Ф. Анисимовым размежевании ценностного отношения как объективного субъектно-объектного отношения и оценки как мыслительного и языкового выражения такого ценностного отношения. С этих позиций субъект ценностного отношения может представлять как абстрагированная категория, в то время как субъект оценочного высказывания всегда конкретен и единичен.

Объект, обладающий определенной ценностью, неотделим от субъекта уже тем, что ценность – это первичное, объективно обусловленное как существованием объекта, так и существованием субъекта отношение. Говорить о таком объекте что он обладает ценностью, невозможно без субъекта. В этом плане язык как социальный феномен также представляет определенную форму объекта, обладающего ценностью, так как он *ценен* лишь при наличии человека и социума как субъекта языкового действия. Поэтому нам представляется корректным утверждать, что ценность является ингерентной характеристикой как языка и речи в целом, так и языковых и речевых явлений, в том числе и категорий языка и речи в частности. Тем самым категоризация в мышлении и в языке независимо от того, какие формы отражения мышления в языке категоризируются и какие концепции категоризации предлагаются, автоматически относится к характеристикам ценности как субъектно-объектного отношения между языком как объектом ценности, с одной стороны, и человеком или социумом, мыслящим, говорящим на этом языке или по крайней мере изучающим или исследующим этот язык, с другой.

Эти положения предполагают дальнейшее развитие концепции взаимосвязи предметной (или естественной) категоризации как неотъемлемой черты взаимосвязанных систем мышления, познания мира (когниции) и отражения этих мыслительных действий в форме языка и речи. В связи с вышеизложенным языковая категоризация существ, предметов, явлений и свойств объективного мира, описываемая в сложившейся в отдельную парадигму знаний когнитивной науке как совокупной, синтезированной форме взаимно определяющихся философских, психологических и лингвистических доктрин и отражаемая в трудах Э.Рош, Дж.Лакоффа, М.Джонсона, Е.С.Кубряковой, Е.В.Рахилиной, Н.Н.Болдырева, И.А.Стернина, З.Д.Поповой и других видных представителей современной когнитивной лингвистики, а также их учеников и последователей, преимущественно рассматривает проблематику языковой категоризации мира именно на уровне ценности концептуальных характеристик языковых явлений. При таком подходе концепты совершенно обоснованно представлены как объективная данность. Однако при этом следует учитывать, что концепты становятся таковыми лишь при наличии субъекта когниции, и тем самым язык обладает ценностью. Он обладает определенными собственным компонентным составом и структурными и функциональными характеристиками свойства, которые собственно и позволяют описывать язык в терминах ценности (как, впрочем, и любую другую отрасль научных знаний).

Кроме того, такой подход позволяет разграничивать содержание ценностного отношения и различные вербальные и там, где это возможно, невербальные способы его выражения. Таким образом, ценностное отношение предстает как аксиологический инвариант взаимоотношений абстрагированного субъекта и явлений окружающего мира, оценочное отношение – как когнитивный инвариант отношения абстрагированного субъекта к более или менее типизированному в сознании объекту, являющемуся отражением в языке вымышленных или реальных лиц, существ, вещей, событий, явлений, а языковые средства его выражения (языковая оценка) – как его варианты.

С другой стороны, достаточно важной является проблема уровней категоризации субъекта ценности, ценностного и оценочного отношений. Казалось бы, эта проблема не столь существенна. Однако трудно отрицать следующий факт: то, что ценность всегда выступает с положительным оценочным знаком, является следствием ее объектной ориентации. При рассмотрении ценности фактор субъекта нужно учитывать лишь постольку, поскольку само ценностное отношение без него немыслимо; иными словами, субъект выполняет лишь онтологическую (экзистенциальную) функцию в установлении ценности. В прочих аспектах определения ценности неважно, является ли субъект единичным или коллективным, имеющим отношение к функциональным, количественным или качественным свойствам объекта, обладающего ценностью или не имеющим. В связи с этим можно привести следующий пример:

Молодой директор школы робко намекает пользующейся большим авторитетом у руководства районо завучу, что учителю не подобает торговать молоком. Завуч приводит следующие доводы:

- В наших курских условиях, - продолжала ровным голосом завуч, - средняя корова дает до двенадцати литров молока в сутки. Что ж, по вашему мнению, я должна сдаивать это молоко наземь? Или, может быть, вы считали бы нецелесообразным, если б я сдавала его в заготовительные организации по низким ценам? Наше государство достаточно богато, чтобы не принимать подачки от сельской интеллигенции.

Как всегда, во всем, что она говорила, была железная логика. Ломов и вправду не знал, куда она должна девать свое проклятое молоко. Он знал только, что частная торговля ему отвратительна. Он знал, что учитель не должен стоять по воскресеньям с ведром на базаре и нацеживал в литровую кружку свой товар, а потом пихать за пазуху замусоленные пятерки и десятки... (Меттер: 82).

Как показывает данный пример, разные субъекты оценки руководствуются собственными оценочными основаниями для квалификации единого объекта. Однако реальная, объективная ценность молока как продукта питания была, есть и останется непреходящей независимо не только от того, что думают о нем директор или завуч школы, но и оттого, что о ней думает любой мыслящий индивид. Однако уже на этом уровне понятие субъекта ценности является существенным уже в связи с тем, что кто-то думает об этой вещи. Это еще уровень естественной (по терминологии Н.Н.Болдырева), или, что представляется более точным, предметной, классификации и категоризации, когда молоко относится к классу продуктов питания.

Итак, исходя из вышеизложенного, можно заключить, что несомненно предметная категоризация и оценочная категоризация тесно связаны между собой, но в основе их лежит разная онтология и этим, пожалуй, во многом объясняется различие в сущностных характеристиках субъекта оценки и субъекта высказывания, а также возможность представленности первого как «расчлененного» (конкретного), так и «целостного» (суммарного).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.